

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

БУМЕРАНГ

РОМАН В 3-Х ЧАСТЯХ

Москва
«Книга по Требованию»
2014

ББК 84(2Рос-Рус)6

Б 16

Баженов Г. В.

Б 16 Бумеранг. *Роман в 3-х частях.* — М.: Книга по Требованию, 2014. — 256 с.

ISBN 5-7117-0114-2

«Бумеранг» — не обычный традиционный роман, а скорее триптих, рассказывающий о жизни творческой элиты, точнее — о работе, любви и жизни журналистов и фоторепортеров.

Автор знает материал изнутри, поскольку долгие годы сам (до того как стать писателем) работал специальным корреспондентом одного из столичных журналов.

Искренность, глубина, острота и поэтичность материала — вот чем привлекает читателя роман Георгия Баженова «Бумеранг».

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-7117-0114-2

© Баженов Г. В., 2006

© Оформление. Издательство
«Книга по Требованию», 2014

Часть первая

ШУБА

У Петрова была болезнь: он все время ждал важных сообщений. Возвращался ли он из командировки или просто приходил с работы, первое, что он спрашивал у жены: «Мне никто не звонил?» То, что он три или четыре раза на день заглядывал в почтовый ящик, об этом и говорить не приходится. Жена у Петрова — коренная москвичка — была полной его противоположностью, она ниоткуда не ждала никаких сообщений, все родственники ее жили в Москве, общались они, когда хотели, по телефону, обычные разговоры, то да се, ничего сверхважного, просто жизнь. А Петров болел телефоном. И не пустая болтовня интересовала его, не обычные дежурные звонки, а именно вот это — важные сообщения. Когда-то он приехал в Москву с Урала — учиться в университете, окончил факультет журналистики, женился на москвичке и, естественно, как всякий провинциал, делающий себе карьеру в Москве, добился этого с помощью двух друзей: телефона и почтового ящика. Телефон и почту

он боготворил — обо всех важных переменах в своей жизни он узнавал либо из телефонного аппарата, либо из почтового ящика... Разве мог он забыть, например, как однажды зазвонил телефон и густой мужской голос спросил у него:

«Владислав Юрьевич?»

«Да, да».

«Добрый день. Вас беспокоит ответственный секретарь журнала Петухов. Мы прочитали ваш очерк, думаем ставить его в номер. Вы давно пишете на морально-нравственные темы?»

«Да как вам сказать... — Голос Петрова, хотя он и сдерживал внутреннее волнение, слегка подрагивал. — Пожалуй, это мой первый серьезный опыт в этом роде...»

«Вы разве не профессиональный журналист?»

«Я учусь в университете, на факультете журналистики. Четвертый курс...»

«Ну что ж, Владислав Юрьевич, от души поздравляю вас! Надеюсь, на этом наше сотрудничество не закончится...»

Разве это был не один из самых счастливых дней в его жизни?! Впервые у него взяли очерк не в газету (что газета, тьфу!), а в журнал, в знаменитый столичный журнал, расходящийся миллионным тиражом по всей стране.

Или мог ли Петров забыть, как в одно прекрасное утро — лет через пять после первого звонка — тот же голос проворковал ему дружески:

«Слушай, старик, а мы выдвигаем тебя на премию года...»

«Шутишь, Семеныч?!» — А ведь опять Петров еле сдерживал волнение, хотя, казалось бы, за последние годы стал третьим калачом в журналистике.

«Короче, старик, с тебя столик в «Арагви». И принеси к четвергу фотографию. Дело решенное, редколлегия поздравляет тебя!»

Или как забыть Петрову голубой конверт, который однажды он достал из почтового ящика и вздрагивающими пальцами распечатал его прямо там, внизу, на лестничной площадке?! На фирменном бланке с печатями сухо (сухо, но сколько в этом было поэзии!) сообщалось, что московская секция Союза журналистов СССР поздравляет тов. Петрова В.Ю. с принятием его в члены Союза журналистов и желает ему дальнейших творческих успехов.

Мог ли Петров после этого не боготворить телефон и почтовый ящик?!

В тот день среди газет и журналов Петров обнаружил в ящике извещение о денежном переводе. Сердце его радостно екнуло: 500 рублей! Он стал лихорадочно вспоминать: где и за что могли начислить такой гонорар? В нескольких журналах лежали статьи, в одном издательстве взяли опубликованный уже очерк для коллективного сборника, что еще? Во всяком случае, в ближайшее время он не рассчитывал на такой большой гонорар. Петров повертел пе-

ред глазами извещение — не сразу и поймешь, откуда оно, пока не пойдешь на почту и не заполнишь оставшуюся часть бланка. Петров улыбнулся: откуда бы ни были, деньги есть деньги. Тем более приятно, что деньги неожиданные и такие большие...

Не заходя домой, Петров тут же отправился на почту.

Роста Петров удался не просто высокого, а очень высокого — сто восемьдесят девять сантиметров. Худой, с широкими плечами, в потертых джинсах, в спортивной майке-ковбойке, в ботинках-кроссовках, он больше походил на баскетболиста, развязного и вальяжного — если судить еще и по походке, чем на журналиста. И очки он никогда не носил. Даже блокнотов не заводил, ничего туда не записывал, во всяком случае — на виду у героев, о которых собирал материал. Он просто как бы ненароком, мимоходом интересовался их жизнью, порой даже спорил с ними, вызывал на откровенность, человек терял бдительность, начинал выговариваться, выдавать сокровенное и наиболее интересное. Очерки у Петрова получались задушевные, теплые, с проникновением в человеческую психологию. Обычно герои, читающие позже о себе, несколько терялись (он же столько сокровенного о них рассказывает!), а потом ничего, смирялись: вроде они действительно такие, во всяком случае — похожие, и наврано мало. Любили очерки Петрова и читатели — об

этом говорили письма, которых немало приходило в редакцию после его публикаций.

Любили Петрова и женщины.

Вот он зашел на почту, и его, такого высокого, спортивного, сразу выделило несколько пар женских глаз. Женщины тем более обращали внимание на Петрова, что он как бы не видел их, не замечал. Но это, конечно, был внешний прием. Он тоже любил женщин, но, любя их, одновременно и презирал. Он презирал их за шаблонность мыслей и представлений, хотя шаблонностью этой пользовался. Каких мужчин любят женщины? Девяносто девять из ста — тут Петров мог дать голову на отсечение — любят: 1) денежных; 2) высоких; 3) мужественных; 4) знаменитых; 5) спортивно сложенных. Пяти пальцев на руке хватает, чтобы найти ключ к якобы загадочному женскому сердцу. Именно поэтому, любя женщин, любя брать от них все, что заложено в женщинах природой, Петров одновременно презирал их. Презирал — пожалуй, сильно сказано: он делал вид, даже для самого себя, что презирает их, — просто он посмеивался над ними. Не воспринимал всерьез. Что плохо лежало на дороге — брал; что не давалось в руки — проходил мимо. Плевать. Добра этого вокруг и рядом сколько угодно, стоит только внимательней посмотреть по сторонам...

Надо сказать, Петров не был нахальным человеком. У него были манеры. Вежлив и предупредителен, но без подобострастия. Горделиво га-

лантен. Разговаривал неторопливо, глубоким, проникновенным голосом. Женщины находили в нем что-то от природы благородное, породистость некую. Хотя, конечно, ничего подобного там не ночевало. Мать у Петрова работала уборщицей на уральском металлургическом комбинате, отец (оба, кстати, обычного, среднего роста) всю жизнь слесарил на том же заводе. Правда, относились к себе, к работе с достоинством, была в них, что называется, рабочая профессиональная гордость. Они чувствовали себя причастными к большому, нужному делу, ощущали себя не песчинкой, а частью гигантского рабочего коллектива, где каждый на своем месте хорош и пригоден, значителен и незаменим. Уважение к себе, к тому, что ты есть и чем занимаешься, — вот что наверняка перенял Петров у родителей, хотя вряд ли сам сознавал это. Родителей он не стыдился, такого за ним не водилось, но себя, свою жизнь и профессию считал на порядок выше. Да тут и нет ничего удивительного, дети, верил Петров, должны всегда идти дальше родителей...

Так вот, Петров зашел на почту, и сразу несколько женских глаз с любопытством и симпатией отметили его высокую, атлетическую фигуру. Петров не обращал ни на кого внимания; сосредоточенный и серьезный, подошел к нужному окошку, встал в очередь. Девушки-операторы давно знали его, вот сейчас там сидела Оля, а есть еще Наташа, обе молоденькие, лет по девятнадцать, всегда в джинсах, стройные, обтянутые,

прелесть-девушки, но с ними Петров никогда не заводил романов, только деловые отношения, вежливость, добрая, всепонимающая улыбка, легкий юмор. Он чувствовал: и Оля, и Наташа готовы пойти навстречу, они согласны на большее, чем просто вежливость или веселые разговоры, но у Петрова был принцип: деловые отношения — это деловые отношения. Как говорится, не рой яму там, где живешь. Оля, оторвавшись от очередного клиента, улыбнулась Петрову так, как будто только и ждала, когда он наконец появится на почте, Петров поднял в приветствии руку: мол, здравствуй, детка, — и сделал легкий благородный кивок головой, при этом тоже улыбнулся; Оля быстро порылась в ящике и, встав из-за стола, протянула через окошко бланк Петрову.

— Владислав Юрьевич, заполняйте пока.

И никто в очереди не воспротивился этому, даже не удивился нисколько, как будто так и должно было быть.

— Спасибо, Оленька. — Легким, изящным движением протянув руку над головами людей, Петров подхватил бланк и еще раз царственно, широко улыбнулся девушке.

Отходя от окошка все той же небрежной, вальяжной походкой, Петров затылком чувствовал, как его провожает взглядом не только Оля, но, наверное, вся очередь. Он усмехнулся.

Встав в сторонке и достав из кармана ручку, Петров наконец внимательно взглянул на бланк.

Деньги пришли из Ярославля. Петров удивленно изогнул бровь. Перевернул бланк. Ба, да здесь, оказывается, целое послание. Бровь Петрова изогнулась в еще большем удивлении. Взглянул на подпись — Наталья. «Наталья, Наталья?.. — завертелось в голове. — Неужели та, которая... Не может быть!»

Петров начал читать послание.

«Владик, дорогой! Не знаю, вспоминаешь ли ты меня, скорей всего — нет, кто я для тебя, так, обычная знакомая, каких у тебя наверняка много. Я к тебе обращаюсь по делу, на большее не рассчитываю. Помнишь, ты говорил: для тебя ничего не стоит достать шубу из искусственного меха. Производство США. Посылаю тебе деньги, как договаривались. Заранее благодарная — Наталья.»

P.S. Живу скучно. Часто вспоминаю тебя. Нашу встречу. Читаю твои очерки. Горжусь знакомством с тобой. Наталья».

«Дура, кто же пишет такие вещи на домашний адрес, — подумал Петров. — А если б жена?..»

Но с еще большей тоской подумал о другом: деньги... Ну и вляпался, идиот, кто его тогда тянул за язык, а теперь черт знает какая обуза... Да и как она, дура, сама не понимает: одно дело — треп в теплой компании, где одно идет к одному, и совсем другое дело, когда прошло время, как-то все подзабылось, подутряслось... А может, он не журналист никакой? Может, обыкновенный